

О СЕБЕ

Коренной ростовчанин. Окончил Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт. Но судьба распорядилась по-своему — стал журналистом.

Работа в редакциях различных ростовских газет дала возможность побывать практически в каждом районе и городе Дона.

Печатался в местных и центральных газетах, журналах, в плевенской газете «Септемврийска победа», в коллективных сборниках Ростиздата.

В 1978 году вошел в число лауреатов конкурса одного стихотворения «Пою мое Отечество», проведенного журналом «Смена».

Георгию
Михайловичу
Белыеву

АНАТОЛИЙ АНСИМОВ

на добрую
ночь.

Сердечно -

**ПОЛОС
ТЕПЛА**

СТИХИ

Ростов-на-Дону
РОСТОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1979

28. XI. 20.

P2
A71

Оформление художника *В. И. Негоды*

А $\frac{70402-075}{M156(03)-79}$ 57.79.4702010200 © Ростовское книжное
издательство. 1979.

□ □

Зерно добра...

Всего одно зерно!

Взойдя ростком на ниве черно-голой,
оно должно в конце концов дать колос,
стать множеством. Хотя оно — одно.
Но как бы нива ни была щедра,
не трать добро направо и налево,
оставь хотя б немного для посева.
Недаром говорят:

«Зерно добра...»

□ □

Узкий проулок, старая ива,
месяца серп над решеткой плетня...
Детство мое! Ты глядишь молчаливо,
через года все глядишь на меня.
Росами вымыт, солнцем обласкан,
ветром полынным насквозь он пропах —
крохотный хутор в далеких степях,
полузабытая добрая сказка.
Нет, не слабеет память с годами:
он и сегодня — в душе у меня,
он и поныне снится ночами —
месяца серп над решеткой плетня...

□ □

Хоть нет особой здесь печали,
мы на сынов глядим с грустинкой:
как рано нашим детям стали
малы отцовские ботинки...
А впрочем, что ж тут удивляться?
Ученый объяснил давно ведь:
«Идет процесс акселерации —
его ничто не остановит...»
И останавливать — не надо.
Не в том причина для печали.
А просто вспомнились солдаты,
что нам ботинки оставляли...

□ □

Ушло из школы навсегда перо
стальное...

Увело с собой — чернила...

А нас по сводкам Совинформбюро
война когда-то азбуке учила.

По сводкам с географией страны
знакомились в те горькие года мы,
одной большой бедой принуждены
опережать учебные программы.

Мы знали Дубосеково-разъезд,
Чернушки знали, Вязьму и Воронеж...
Не знали лишь,

в каком из дальних мест

отцов-солдат товарищи скоронят.

В «непроливайках» плавал синий лед,
и «уточки» — стальные наши перья
роняли кляксы и чуть-чуть скрипели.

И впереди был сорок пятый год...

□ □

Когда в ростовском небе вспыхивал
и косо падал ястребок,

мне так хотелось — в Талалихины.

Но что, пацан, я сделать мог?

Другие — взрослые и смелые —

шли в грозовую круговерть,

чтоб наше небо реже сеяло

разнокалиберную смерть.

И снова в небе факел вспыхивал...

Был горький час родной земли:

вверху — сражались Талалихины,

внизу — Гагарины росли.

□ □

Стою на круче речки безымянной.
Внизу — все то же илистое дно.
Все тот же запах тины да бурьяна,
как и тогда — давным-давным-давно...
Нам на двоих — неполных восемнадцать.
Но, селянин — он был поздоровей.
Любил, случалось, Сашка посмеяться
над городской хилостью моей.
Он был душевным и определенным,
каким бывает настоящий друг.
Все пополам — и пирожки с пасленом,
и парта в школе, и тюльпанный луг.
Наверно, даже новую рубашку
мы поделили б. Но откуда взять?..
И лишь однажды друг мой верный Сашка
мне часть мою не захотел отдать...
Стою на берегу — седой мужчина.
Внизу — все то же илистое дно.
Здесь мы когда-то разряжали мину...
Стою один. А Сашки нет давно.

ДУБЛЕНКА

Мой знакомый «достал» дубленку.
Он обновке заметно рад.
Ах, с каким сделан вкусом тонким
древнерусский этот наряд.
Да, красавец! Любимец удачи,
он небрежно мне говорит:
«Ну, естественно, дал додачу...
Что поделаешь? Дефицит!..»
Полон парень здоровья и силы,
и дубленка ему — с руки.
А когда-то такие носили
в Сталинграде сибиряки.
Он про это вспомнит едва ли,
просто парень обновке рад.
А дубленки — не «доставали»,
их мужчинам тогда — выдавали,
и в придачу еще — автомат...

ТРАКТОРА И ТАНКИ

Нет, не зря
трактористы толкуют порою,
мол, подшипник проплавлен,
кардан застучал...

Трактора ведь частенько
выходят из строя —
от предельных нагрузок
стареет металл.

К ним «летучки» летят
по разбитым дорогам.
И небритый механик
раз двадцать на дню
поминает запчасти,
и господ бога,
и чертей преисподней,
и всю их родню.

Как хирург
после ста непростых операций,
он, устало-довольный,
в сиреневой тьме
по тропинке знакомой
начнет подниматься
и пройдет мимо танка
на сером холме.
Из-под стен Сталинграда
сюда
в сорок третьем
боевая машина
пришла сквозь огонь...

А внизу
хуторок
ясно окнами светит,
о войне вспоминает
старушка-гармонь.
Пахнет ветер полынью
томительно-горько.
И механик закурит.
Потом до утра
будут сниться ему
внуки «тридцатьчетверки» —
трактора,
трактора,
трактора....
А по радию будут
кричать спозаранку:
— Слышь, механик!
Ну, где ж твой «летучий отряд»?!
...Трактора ведь ломаются
чаще, чем танки.
Там другая беда —
танки чаще горят.

□ □

Память... Это — как рюкзак туриста:
и объем солидный в нем и вес.
С ним шагаешь — через поле чистое,
по холмам и взгоркам, через лес...
Лишь достигнув позднего привала,
на глазах у подступившей тьмы
сбрасывая ляжки с плеч устало, —
с рюкзаками расстаемся мы.
Впрочем, это — род самообмана.
Наша связь — незыблемо крепка:
сновидений синие туманы
взяты из того же рюкзака...

ЦВЕТЕТ АКАЦИЯ

Это обычно случается в мае:
будто бы снегом заметена,
утром однажды она зацветает,
позже других зацветает она.
Белое пламя плывет над домами,
белое пламя накрыло Ростов,
старые улочки Нахичевани,
новый асфальт у высотных домов.
Ахнешь невольно, замрешь молчаливо,
пламенем этим, как солнцем, согрет.
Белое пламя, душистое диво —
нашей ростовской акации цвет...
Можешь уехать на долгие годы,
но и вдали от родной стороны
все ж позабыть не сумеешь его ты —
белого пламени нашей весны.

Л. Д.

Оставь на время все дела и споры,
остановись в гремящей суете.
Смешаем дым родного «Беломора»
с дымком тебе привычного «БТ».
И помолчим... Когда-нибудь потомки
поставят веку нашему в вину,
что говорить мы научились громко
и разучились слушать тишину...

ОПУСТЕВШАЯ ГОЛУБЯТНЯ

Что ушло, не вернешь обратно.
А вернешь — будет польза в том?
Опустевшая голубятня
смотрит снизу на новый дом.
Ах, какие красавцы были!
В ярко-алом свете зари
плыли белые и рябые,
плыли дутьши, сизари.
Под разбойничий посвист в небо
целый город с восторгом глядел.
Голубятником тот лишь не был,
кто красы ценить не умел.
Гуля, гуля... Сегодня гуля
в голубятне гнезда не вьет.
А над городом с грозным гулом
тянет белый шлейф самолет.
Да! От века куда же скрыться?..
И, покорны своей судьбе,
на асфальте жиреют птицы —
чуть похоже на голубей...

НЕЖНОСТЬ

Мой прадед
землю курскую
дубовою сохой
пахал,
коню нашептывая что-то.
И вздрагивала нежно
под его рукой
спина коня...
И конь — опять работал.
Я в чувствах —
предка сдержанней,
а на слова — грубей
(шептать «милок»
не будешь «Жигулям» ты!).
И не сыскать сегодня
персональных лошадей —
за них теперь машины
тянут лямку.
Теперь не ездят люди
ни охлюпкой, ни в седле.
Все больше за рулем
мужчин и женщин.
Технический прогресс...
Но вот обидно:
на земле —
и лошадей и нежности
все меньше...

□ □

Моя фамилия — из редких,
и тем доволен я вполне.
Спасибо вам, куряне-предки,
за ваш подарок добрый мне.
Благодаря ему я знаю:
начало давнее мое —
избушка низкая курная,
соха и рядом с ней — копые.
Крестьяне-ратники!.. Вы были
опорой для родной земли.
И украшали, и кормили,
и от набега берегли.
Все-все отдать ей были рады,
и отдавали — до конца.
А вам единственной наградой
был горький запах чебреца.
А что еще?.. Сыны, которым
вручали вы соху с копыем,
и эти русские просторы,
и летний зной, и вешний гром.
Была крепка и терпелива
моя крестьянская родня.
Пусть я пашу иную ниву,
но все ж пашу — с охотой я.
Моя фамилия — из редких,
и тем доволен я вполне.
Спасибо вам, куряне-предки,
за ваш подарок добрый мне...

□ □

Профессий легких нету на земле,
а если будут, так еще не скоро.
У репортера тоже трудный хлеб,
и в частности — у фоторепортера.
Догнать, не упустить свой главный кадр,
спешить за ним, меня объективы...

Свинцовыми казались облака,
висели низко над степным разливом.
И он искал свой кадр... В густой пыли
с фоторужьем шагал меж скреперами.
А наверху — казарки клином шли.
Он их почувствовал —
и замер.
Потом его фоторужье опять
заговорило,
но уже вослед им, —
хоть, в общем, этих птиц ему снимать
совсем не нужно было для газеты.

Казарок остановленный полет
в его лаборатории пылится...
Как хорошо, что в нас она живет,
способность эта — удивиться птице.

ИЛИ — ИЛИ...

Памяти С. К.

На письмо мое друг не ответил...
Думал я: не пустила газета,
думал: что ж, закрутили дела,
ведь работа у нас такая,
что, бывает, не отпускает
и по суткам из-за стола,
что уводит в такие дали,
где и почта бывает едва ли.
Самолеты и поезда
постоянно куда-то мчат нас.
Посмотри внимательно: атлас
в репортерских, в наших следах.

На письмо мое друг не ответил...
Думал я: закрутила газета,
думал: некогда написать.
Оказалось, что отвечать
просто некому... Будет молчать
постоянно, всегда — молчать.
Вот какое ведь вышло дело:
написать ответ не успел он.
Оказались правы врачи,
сколько раз ему говорили:
«Или тише живите, или...»
Выбрал «или» второе. Молчит.

□ □

У каждого из нас свои пути.
У каждого — свои весна и осень.
Зачем деревья?
Чтобы зацвести
и вновь листву свою на землю сбросить...

Стремительный рассвет встает опять,
распахивает голубые дали.
Зачем дороги?
Чтоб по ним шагать
мы никогда с тобой не уставали...

Полночный час и холоден и тих,
а в небе звезды так спокойно светят.
Зачем вопросы?
Чтоб могли на них
мы хоть когда-нибудь ответить...

БАГУЛЬНИК

Куплю в метро
за рубль тайги кусочек,
поставлю в банку на окне.

И вот
в квартире у меня однажды ночью
багульник расцветет.
Зайдут друзья полюбоваться чудом
не вовремя ожившего цветка.
Да только это чудо кратким будет.
Жизнь без корней...
Она ведь коротка.

НА МАНЫЧЕ

Хинко Георгиеву

Рыболовы любят место это,
хоть тарань клюет, а не сомы....
Помнится, сюда перед рассветом
с другом Хинко приезжали мы.
Рыболовной станции хранитель,
старый егерь сухо встретил нас:
«Вон сарай! Сперва чуток вздремните,
а потом на воду, в добрый час...»
Отозвал я егеря в сторонку:
«В дом пустил бы, батя, нас поспать.
Иностранец, — намекаю тонко, —
может нас совсем не так понять....»
Егерь поглядел с улыбкой странной,
покачал седею головой:
«Ну, какой там к бису иностранец?!
Ты ж сказал — болгарин?»

Значит — свой!..»

ЕГЕРЬ

Стучится веткой клен в окно избушки —
единственной на тридцать верст вокруг.
Ах, как сладка ты в этот час, подушка!
Да только зоревать ведь недосуг...
Выходит старый егерь на крылечко,
и долго смотрит в синий полумрак,
да слушает, как тихо шепчет речка,
потом свистит собаке — в путь пора.
По тропкам, что одним лишь им знакомы,
они выходят в утренний дозор:
вон там в кормушки подложить соломы,
а там проверить пару лисьих нор.
Идет старик, ворчит себе помалу.
А новый день зажег костер зари.
И на пригорке кустик краснотала
еще немного — вспыхнет и сгорит.

□ □

Нет! Что ни говори,
а разобраться строго,
так в жизни — много от игры,
в игре — от жизни много.
Но, может, нет различий здесь?
Ну, что тебе ответить...
Ничьи!.. Они лишь в играх есть,
а в жизни их не встретить.

□ □

...От костра, от песни раздольной,
от зеленой ветки березы —
сердцу вдруг так пронзительно больно,
что к глазам подступают слезы.
Часто думаю: в чем же дело?
Мир вокруг стал звонок и ярок
потому, что его ты сумела
поднести мне в подарок...

□ □

Город лег холодной пустыней
на закате летнего дня.
И прохожие, словно льдины,
проплывают мимо меня.
Как Великое оледенение,
наступила разлуки пора.
И сжимается в горьком томлении
то, что сердцем было вчера...

□ □

Холод — это не только лед.
Холод — это не только снег.
Холод — это когда уйдет
от тебя родной человек.
Пустота — ни измерь, ни взвесь,
только — боли холодный ком.
Говорят, полюс холода есть?
Точно, есть. Он в тебе самом.

□ □

Где ты, лето? Было, не было —
наступило время вьюг.
Улетели гуси-лебеди
зимовать на дальний юг.
На умолкнувшие плесы лег
звонкий-тонкий панцирь льда.
И морозные, белесые
видит сны под ним вода.
Ждать тепла сегодня нечего:
на дворе декабрь. А все ж
у меня весна — навстречу мне
ты лебедушкой плывешь.

□ □

И когда мы с тобой встречи празднуем,
и когда мы в разлуке с тобой,
ты умеешь быть очень разной,
всякий раз по-иному иной.
Ты бываешь веселой, и грустной,
и задумчивой, и озорной,
белой лебедью, ивушкой русской,
жгучим солнцем, и светлой луной.
Мне казалось, что я тебя знаю
так, что лучше и знать нельзя,
Как же я ошибался, родная!
Как же слеп оказался я...
Поглотила цвета и звуки
темно-синяя теплая тишь.
Уронив на колени руки,
ты спокойно и долго молчишь.
Ты — устала. Трудно дается
этот дар совсем непростой:
быть — то ветром, то морем, то солнцем,
всякий раз по-иному иной...

□ □

Вот говорят: желание... мечта...
Как широка людских желаний гамма!
Один желает — знаменитым стать,
другой — поймать леща в два килограмма.
Завялен лещ и съеден в добрый час,
а знаменитость рецензент ругает...
Мне лучше: мне твоих зеленых глаз
как не хватало, так и не хватает.

□ □

Ворошу промчавшиеся годы —
нет, они прошли совсем не зря.
Надо мною не спеша восходит
щедрая осенняя заря.
Многое могу я и умею,
силы есть и злости есть запал.
Лишь одно обидно: что к тебе я
ровно на полжизни опоздал.

□ □

...И я опять устану ждать,
и снова будет ветер синий
мне повторять и повторять
твое единственное имя.
И будет горько и темно.
Но где-то — на другой планете? —
мое бессонное окно
другая женщина заметит.
Она, как я, устала ждать,
и до рассвета ветер синий
ей не устанет повторять
его единственное имя.
Глядит звезда в мое окно...
Устроен космос очень просто:
где не умеют ждать — темно,
а где умеют — светят звезды.

□ □

В расходах —
среди ненаписанных книг
убитое ленью слово,
привычка к тому,
что путь напрямик
короче пути обходного...
Доходы?
Сегодня я к ним отношу
живое желание слушать
рассветного часа серебряный шум
и горькие песни кукушек,
стремление ближним и дальним помочь
(хотя и порой без успеха),
уменьше над строчкой не спать всю ночь,
в дальние дали ехать...

Чем дальше уводят годы,
тем больше мои доходы,

СОДЕРЖАНИЕ

«Зерно добра...»	3
«Узкий проулок, старая ива...»	4
«Хоть нет особой здесь печали...»	5
«Ушло из школы навсегда перо стальное...»	6
«Когда в ростовском небе вспыхивал...»	7
«Стою на круче речки безымянной...»	8
Дубленка	9
Трактора и танки	10
«Память... Это — как рюкзак туриста...»	12
Цветет акация	13
«Оставь на время все дела и споры...»	14
Опустевшая голубятня	15
Нежность	16
«Моя фамилия — из редких...»	17
«Профессий легких нету на земле...»	18
Или — или...	19
«У каждого из нас свои пути...»	20
Багульник	21
На Маньче	22
Егерь	23
«Нет! Что ни говори...»	24
«...От костра, от песни раздольной...»	24
«Город лег холодной пустыней...»	25
«Холод — это не только лед...»	25
«Где ты, лето? Было, не было...»	26
«И когда мы с тобой встречи празднуем...»	27
«Вот говорят: желание... мечта...»	28
«Ворошу промчавшиеся годы...»	28
«...И я опять устану ждать...»	29
«В расходах...»	30

Анатолий Дмитриевич АНСИМОВ

ПОЛЮС ТЕПЛА

СТИХИ

Редактор А. А. Рогачев

Редактор издательства Л. П. Логашова

Художественный редактор З. А. Лазаревич

Технический редактор Л. М. Криволапова

Корректоры С. В. Рыбалкина, В. Н. Пономарева

ИБ № 658

Сдано в набор 21.05.79 г. Подписано в печать 04.09.79 г.
ЛПК 27347. Формат 70x90/32. Бум. тип. № 1. Гарнитура
академическая. Высокая печать. Усл. печ. л. 1,17.
Уч.-изд. л. 0,84. Тираж 5000. Заказ 104. Цена 10 коп.

Ростовское книжное издательство. 344706 Ростов-на-
Дону, Красноармейская, 23. Типография им. М. И. Ка-
лягина Ростовского управления издательств, полигра-
фии и книжной торговли. 344081 Ростов-на-Дону, 1-я Со-
ветская, 57.

А71 Ансимов А. Д.
Полюс тепла: Стихи. — Ростов, Кн. изд-
во, 1979 — 32 с. (Первое слово).

Память о военном детстве, встречи с людьми
и природой донского края — тематическая основа
стихов этой книги. Им свойственна откровенная
публицистичность, эмоциональность в сочетании
с лирической интонацией и образностью.

А 70402—075
М156(03)—79 57.79.4702010200

P2